

ГОНИМЪ

Иллюстрированное Обзорное
свещественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ“.

№ 8

Пятница, 11 (24) марта 1905 г.

№ 8

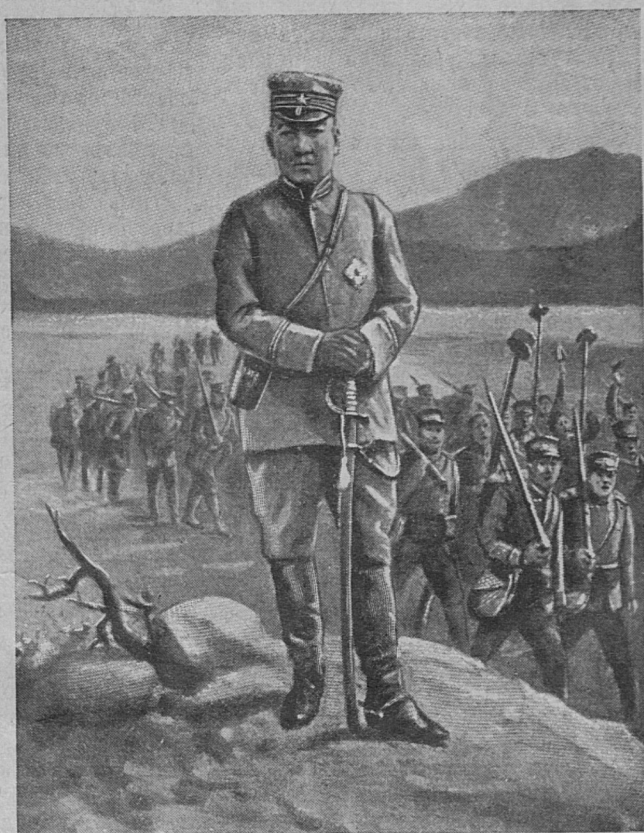
Сестра Георгіевской общины
Е. М. Пескова,
награжденная медалью „за храбрость“ за эвакуацію
раненныхъ у Ляояна.

Сестра милосердія тульского лазарета
Л. Н. Сапожникова,
отбывшая на театръ войны съ гимназической
скафки. Во время еи въ у Ляояна эвакуиро-
вала одна 100 раненныхъ, за что и награждена
медалью на георгіевской лентъ „за храбрость“.

Сестра милосердія
А. Б. Мартинова,
работающая въ летучемъ отрядъ своего мужа,
командира зарайскаго полка.

Главномандующій всеми сухопутными и морскими всоруженными
силами, дѣйствующими противъ Японіи, генераль отъ-инфантеріи
Н. І. Леневиць.

Главномандующій японскими арміями, маршаль
О я м а.

Историческія воспоминанія.

Славословія и проклятія. — Несчастный западный мужикъ и счастливый рабъ на Руси. — Вольность — непрочный кумиръ Запада. — Крѣпостное право — устоя Россіи. — Первый русскій экономистъ. — Автору — смерть, книгѣ — огонь. — Полявка навады. — Либералы и правительственная опасность. — Научила насъ исторія.

Сто лѣтъ назадъ русское общество переживало свѣтлую эпоху чаяній и надеждъ. Прошлое сумрачное, тоскливое, какъ непогожая ночь, отходило въ сумракъ воспоминаній. Настоящее было свѣтло. Еще свѣтлѣе, ярче рисовалось будущее.

Государственный строй ждалъ обновленія. Обновленія ждало общество и съ нимъ юный Императоръ. Тѣни Новикова и Радищева указывали путь. Позади стояла мрачная полоса шестилѣтняго павловскаго царствованія. Движеніе въ пользу реформъ не захватывало широкихъ народныхъ круговъ. Пульсъ его бился лишь среди аристократіи, представлявшей собою въ то время соль русской интеллигенціи.

Величавые образы прошлыхъ дней, свѣтлыя тѣни передовыхъ бойцовъ и застрѣльщиковъ встаютъ изъ прошлаго. Дѣти своего времени, они смотрѣли впередъ и провидѣли въ будущемъ лучшіе дни. Мрачная эпоха реакціи не заглушала эти образы. Наоборотъ, еще ярче, еще свѣтлѣе глядятъ они съ сумрачнаго полотна крѣпостнической эпохи, въ которую само крѣпостничество благословлялось, какъ „древній патріархальный и самый естественный образъ гражданскаго благоустройства“.

Среди славословій устоя русской жизни, защиты „оплота русской государственности“, въ толпѣ себялюбивыхъ умниковъ и закорючлыхъ крѣпостниковъ находились люди, не только не сплывшіе своихъ голосовъ въ общее славословіе, но находившіе въ себѣ мужество открыто и смѣло посылать свое проклятіе.

Одни изъ нихъ заплатили за свой протестъ цѣною неволи, рудниками и цѣпями, другіе — долгимъ подневольнымъ изгнаніемъ, отверженіемъ родины.

Къ послѣднимъ принадлежитъ видный дѣятель прошлаго, первый русскій ученый экономистъ Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Взгляду, во своевременную характеристику обобщаетъ г. Святловскій въ послѣднемъ номерѣ „Всемирнаго Вѣстника“.

„Все благое основывается на свободѣ, а злое на противленіи ей“, — говоритъ Тургеневъ.

Увы, въ нашемъ отечествѣ подобная вѣра не была крѣпка. Журналисты изъ благонамѣренныхъ, благонамѣреннаго времени, управляемаго десницей Аракчеева, по опыту знали, что значить вольность. Его перомъ водила не деревянная, а умудренная опытомъ мысль, когда онъ, бѣя себя въ перси, восклицалъ:

„О несчастное слово вольности!“

„Только гнилой Западъ могъ создать себѣ такого непрочнаго кумира, и что же вышло изъ такого своеправія? — Здѣшніе (т. е. западные) мужики всѣ вольны! — Вольны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сѣн, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывной связи съ землей и помѣщиками!“

Связь безземельнаго раба съ чужою собственностью и работа три дня въ недѣлю на отца-помѣщика — какое счастье!

„Гнилой Западъ до этого не додумался, а Россія, идущая своимъ путемъ, дошла и пребываетъ въ счастьи неизреченномъ!“

„Только злыелюди, лихіе супостаты могутъ подрывать подобное счастье“.

Тургеневъ, — съ такой благонамѣренной точки зрѣнія умовъ, склонныхъ видѣть въ аракеевщій идеалъ правленія, въ военныхъ поселеніяхъ высшее благо отчизны, — былъ злымъ человѣкомъ, лихимъ супостатомъ.

На подленькій лепетъ журнальных младенцевъ, на сюсюканье патріотовъ, оберегающихъ основы, онъ отвѣчалъ, что народъ задвленъ налогами и что есть страны, гдѣ „введеніе налога дѣлается съ согласія народныхъ представителей“.

„Согласіе же со стороны народа — можетъ быть дѣйствительно только въ тѣхъ государствахъ, которыя пользуются сущностью, а не одними только формами гражданской свободы“.

Опытъ о теоріи налоговъ Тургенева вышелъ двумя изданіями въ 1818 и 1819 годахъ. Цензура „одобрила его“, но хотя „законъ и не имѣетъ обратной силы“, черезъ семь лѣтъ власти занялись розыскомъ и уничтоженіемъ книги.

И книга и авторъ были признаны преступными. Книга уничтожена, авторъ же за участіе въ дѣлѣ декабристовъ былъ осужденъ на смертную казнь.

Декабрьскіе дни застали Тургенева за границей. Неявка на судъ рѣшила его судьбу, и въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ благороднѣйшій изъ русскихъ людей долженъ былъ вести жизнь опальнаго изгнанника, изгоя русской дѣйствительности, начертавшей ему смертный приговоръ...

* * *

Тридцать пять лѣтъ назадъ, тоже на чужбинѣ дальней, скончался другой изгой русской жизни — А. И. Герценъ.

Имя его до послѣднихъ лѣтъ считалось запретнымъ. Запретными были и его сочиненія, въ скоромъ времени должныя появиться въ отдѣльномъ легальномъ изданіи.

Материалы для біографіи Герцена неутомимо собираетъ теперь г. Ватуринскій. Часть ихъ была уже напечатана во „Всемирномъ Вѣстникѣ“ за прошлый годъ*). Вторая часть появляется теперь въ томъ же журналѣ.

Г. Ватуринскій предлагаетъ лишь сырой матеріалъ, снабжая его немногочисленными комментаріями.

Очень характерно, какъ показатель настроенія будущихъ дѣателей приснопамятной эпохи великихъ реформъ, слѣдующее письмо къ Герцену, написанное въ концѣ 1855 года Д. К. Кавелинымъ и В. В. Чичеринымъ.

Заря новой освободительной эпохи уже заглялась.

„Необыкновенныя политическія событія послѣдняго времени вызвали чрезвычайныя, небывалыя явленія въ умственной и нравственной жизни Россіи. Она вся, по словамъ авторовъ письма, „отъ Царя до поденщика вострепенулась отъ мертвеннаго оцѣпенія, въ которое до сихъ поръ была погружена, удивленными глазами измѣрила свое бѣдственное положеніе“...

Расходясь съ Герценомъ во взглядахъ на судьбу Россіи, авторы ярко и выпукло очерчиваютъ характеристику современнаго положенія вещей въ Россіи.

„Подъ сѣнью сорокалѣтняго террора успѣла возникнуть у насъ, утвердиться и опутать всю Россію въ свои сѣти — алчная, развратная и невѣжественная бюрократія, которая, втѣняясь между царемъ и народомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ преданности государю и охраненія его престола, искусственно

поддерживаетъ разрывъ между нимъ и позорно угнетенною странною. Эта гирания новаго рода, неавѣстная ни древнему, ни новому міру, составляла и до сихъ поръ составляетъ непроницаемую средю, сквозь которую не доходить ни голосъ Россіи до царя, ни мыслямъ намѣренія царя до Россіи. Благодаря этой средѣ, царь и Россія мало-по-малу отучаются понимать другъ друга, а этого только нужно своекорыстной бюрократіи.

„Гибельность такихъ взаимныхъ отношеній государя и народа доказана теперь неопровержимыми фактами и стала ясна, какъ день. Мы отъ нихъ потеряли всю свою политическую и военную славу и значеніе: они пропавши невѣжество и низкое раболѣпство, а эти, въ свою очередь, породили современное безголовье. Теперешній государь, повидимому, понимаетъ это, но много пройдетъ времени, пока онъ вполне пойметъ, до какой степени народъ оклеветанъ въ его глазахъ, сокрытъ отъ него непроницаемой завѣсой, называемой правительствомъ, и въ какомъ обезображенномъ видѣ доходить до народа самыя лучшія намѣренія русскаго царя. Царь русскій не знаетъ и не можетъ знать своего народа, потому что совершенно отдѣленъ отъ него и не имѣетъ къ нему никакихъ прямыхъ, непосредственныхъ отношеній. Что мудренаго, что онъ смотритъ на народъ, какъ на толпу бунтовщиковъ, какъ на опаснаго врага, болѣе ялищенѣ искусно скрывающаго свои разрушительныя замыслы? То-ли еще показывали царямъ чиновники сквозь живую призму своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и отчетовъ!“

„Потребность возстановить связь и живую, непосредственную струю между царемъ и народомъ чувствуетъ, кажется, нынѣшній благонамѣренный государь, который, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не далъ, повидимому, убавить себя живыми наговорами, будто бы народъ его — скопище буйныхъ сорвиголовъ, ждущихъ минуты подкопать и разрушить престолъ. Говорю: кажется и по вѣдному, потому что у насъ народъ всего менѣе знаетъ мысли царя; если государь открываетъ и доверчивъ, то все же его мысли знаетъ лишь бюрократическая среда, разобщающая его съ народомъ, и она сообразуетъ съ этимъ свой планъ дѣйствій, имѣя вѣчно одну цѣль, — какъ бы ловчѣе втянуть государя въ свои неслучайные интересы, заслонить отъ него желанія и пользы народа, или, по крайней мѣрѣ, заставить его пренебречь ими, ихъ позабыть.

„Такъ какъ теперешній царь, кажется, понимаетъ это, то злонамѣренная цензура, умышленно скрывающая отъ него истину, уже не такъ гордо презираетъ русскихъ писателей и русскую литературу, да и вообще не такъ возмутительно нагла, какъ была въ минувшее царствованіе; но, къ сожалѣнію, даже до сихъ поръ, ни одинъ живой голосъ, ни одна правда, ни одинъ вопль народный, не могли еще проникнуть сквозь безумную цензурную ограду.“

„Задыхаясь подъ мучительнымъ гнетомъ, русская мысль ищетъ себѣ хоть какого-нибудь исхода. Поставленная между безмысленной, скажу*) даже: преступной бюрократіей и невѣжественною массою, она не имѣетъ сама по себѣ никакого политическаго значенія, никакой матеріальной опоры, которая бы стала ее поддерживать и защищать противъ насилия. Существованіе въ Россіи сильной либеральной партіи, могущей быть опасною для правительства, — чистая выдумка, которая родилась послѣ вѣнскаго конгресса, утверди-

*) В. П. Ватуринскій. Герценъ, его друзья и знакомые. Т. I. Сиб. 1904 г.

*) Письмо было подписано псевдонимомъ: „Русскій Либераль“.

дась въ правительствѣ въ теченіе минувшаго царствованія и поддерживается умышленно: людьми либеральнаго образа мыслей, — чтобъ придать своему мнѣнію нѣкоторый авторитетъ и похвастаться передъ иностранцами, а нашими чиновниками и сановниками — чтобъ удобнѣе и легче держать государей въ своихъ рукахъ съ помощью пугала, называемаго революціей, и отклонять ихъ отъ всякихъ полезныхъ для народа, но вредныхъ для бюрократіи, нововведеній. На самомъ дѣлѣ — и это совершенно достоверно — русская мысль, представляемая горстью просвѣщенныхъ и порядочныхъ людей, не можетъ грозить ни русскому государю, ни даже невѣжественной русской бюрократіи; когда правительство ее отъ себя отталкиваетъ, какъ до сихъ поръ было, она остается безсильною и гложетъ въ ничтожество и бездѣйствіи; если же оно захочетъ ею воспользоваться, она всегда будетъ ему вѣрной, надежной, истинно-полезной союзницей. Доказательства передъ глазами: сорокъ лѣтъ у насъ пренебрегали мыслью, и какой же тому результатъ? — Революціи у насъ отъ этого не было, а Россія померкла извнѣ, замерла физически и нравственно внутри. Если правительство вздумаетъ продолжать идти по тому же пути, ему по прежнему нечего опасаться ни возстаній, ни заговоровъ, ни тайныхъ обществъ, но оно загубитъ страну, изсушитъ всѣ ея живые соки, и положеніе наше, внутри и внѣ, будетъ еще мрачнѣе, еще достойнѣе слезъ, чѣмъ теперь. „Исторія лучшая учительница жизни“. Такъ думалъ еще Карамзинъ. Россійскій исторіографъ ошибся сильно. Исторія очень мало научила Россію. „Существованіе въ Россіи сильной либеральной партіи, могущей быть опасной для правительства“, до сихъ поръ является жупеломъ для органовъ извѣстнаго патера. Тѣмъ именно жупеломъ, которымъ загугиваютъ „патріотически“ настроенные публицисты, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, своихъ простодушныхъ читателей. О придуманіи „живыхъ соковъ“, о „положеніи, достойномъ слезъ“, имъ заботы мало.

„Было бы намъ хорошо“, а послѣ насъ хоть пусть погибаетъ весь міръ — девизъ вполне достойный патріотовъ въ ковчегкахъ.

Изгой Герценъ и либераль Кавелинъ уже назвали такое отношеніе своимъ настоящимъ пнемемъ.

Ник. Носковъ.

Проектъ устава государственной думы.

Бывшій петербургскій городской голова и земскій дѣятель баронъ П. Л. Корфъ, принося „посильную лепту для разработки и правильнаго разрѣшенія великаго вопроса“ объ организаціи народнаго представительства, печатаетъ свой проектъ устава государственной думы. Главныя положенія этого проекта сводятся слѣдующему.

Государственная дума есть высшее въ Имперіи выборное учрежденіе, представляющее предъ Верховною властью, пользы и нужны населенія.

Государственная дума осуществляетъ свои задачи посредствомъ участія въ предварительномъ разсмотрѣніи законопроектовъ и отчетовъ и посредствомъ ходатайствъ на Высочайшее Имя.

Государственная дума состоитъ изъ выборныхъ гласныхъ отъ населенія и изъ представителей министерствъ и главныхъ управленій.

Гласные отъ населенія избираются нижеслѣдующими учрежденіями:

Губернскими дворянскими собраніями;

губернскими земскими, собраніями; финляндскимъ сеймомъ, городскими думами нѣкоторыхъ большихъ городовъ; главнѣйшими биржевыми комитетами, Императорскою академіею наукъ, Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ.

Губерніи и области, въ коихъ земскія учрежденія еще не введены, получаютъ право на избраніе гласныхъ государственной думы по мѣрѣ распространенія на нихъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, съ указаніемъ въ то же время и числа гласныхъ отъ каждой губерніи или области.

Гласные государственной думы избираются срокомъ на 5 лѣтъ. По особому Высочайшему Именному указу государственная дума можетъ быть распускаема и ранѣе истеченія срока избранія ея гласныхъ. Въ такомъ случаѣ производятся новые выборы гласныхъ на новый полный 5-лѣтній срокъ.

Учрежденія, посылающія гласныхъ въ государственную думу, избираютъ ихъ, вообще, изъ своей среды.

Званіе гласнаго государственной думы несовмѣстимо ни съ какою штатною должностію по государственной службѣ по назначенію отъ правительства.

Независимо выборныхъ гласныхъ, членами государственной думы состоятъ предсѣдатель комитета министровъ и всѣ министры и главноуправляющіе.

Государственная дума засѣдаетъ ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, причѣмъ день начала сессіи точно опредѣляется закономъ навсегда, а конецъ сессіи опредѣляется каждый разъ Высочайшимъ повелѣніемъ, испрашиваемымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Кромѣ того, въ случаѣ надобности, чрезвычайная сессія назначается особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Сессіи думы открываются и закрываются предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

Предметы вѣдомства государственной думы.

На предварительное заключеніе государственной думы поступаютъ всѣ проекты новыхъ законовъ, а также измѣненія и разъясненія законовъ существующихъ, всѣ проекты правительственныхъ мѣропріятій, какъ-то: финансовыхъ росписей, государственныхъ займовъ, расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и объ установленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Представленія по всѣмъ перечисленнымъ предметамъ не могутъ быть внесены въ государственный совѣтъ или въ комитетъ министровъ, по принадлежности, безъ заключенія государственной думы. Заключенія эти принимаются государственнымъ совѣтомъ, или комитетомъ министровъ, по принадлежности, въ соображеніе.

Отчеты государственнаго контролера, а равно всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, сообщаются на предварительное заключеніе государственной думы, вмѣстѣ съ каковымъ отчеты эти подносятся Государю Императору.

Государственная дума имѣетъ также право законодательнаго почина и потому дума можетъ сама составить проектъ закона, или правительственнаго постановленія и сообщить его для дальнѣйшаго движенія государственному совѣту или комитету министровъ по принадлежности.

Государственная дума можетъ требовать объясненій по дѣламъ государственнаго управленія отъ подлежащаго министра или главноуправляющаго.

Дума можетъ также, когда признаетъ нужнымъ, подвергать фактической ревизіи чрезъ избраннаго изъ своей среды комиссіи на мѣстахъ казенные склады, запасы и казначейства, а также исполненныя на счетъ казны сооруженія и работы.

Заключенія свои по подобнымъ объ-

ясненіямъ и ревизіямъ государственная дума сообщаетъ къ соображенію подлежащему министру, а въ случаяхъ, особенно важныхъ, повергаетъ оныя на благоусмотрѣніе Его Величества.

Государственная дума можетъ обращаться непосредственно къ Верховной власти съ ходатайствами по всѣмъ вопросамъ законодательства и управленія.

Государственная дума обязана разсматривать по существу всѣ могущія быть обращенными къ ней ходатайства учреждений, облеченныхъ правомъ избирать гласныхъ государственной думы.

Если ходатайство будетъ признано думою уважительнымъ, она принимаетъ его въ соображеніе, или оказываетъ по содержанию его возможное содѣйствіе.

По проекту число гласныхъ отъ губерній съ земствомъ колеблется отъ 2 до 10. Общая цифра представителей отъ земскихъ губерній опредѣляется въ 147 гласныхъ. 17 большихъ городовъ имѣютъ особыхъ представителей въ думѣ (числомъ 26); кромѣ того, 24 гласныхъ: отъ академіи наукъ (1), русскаго техническаго общества (3) и биржевыхъ комитетовъ (17); дворянство (по 2 представителя отъ собранія) даетъ 76 гласныхъ въ думу. 15 министровъ входятъ также въ ея составъ. Такимъ образомъ, первая очередь опредѣляется въ 288 гласныхъ.

На вторую очередь поставлены не земскія губерніи, долженствующія дать 52 представителя (на 16 губерній); Царство Польское, Кавказъ, Сибирь и Средняя Азія дадутъ 48 представителей. Общее же число представителей, по проекту барона П. Л. Корфа, опредѣляется цифрой 388 гласныхъ.

Щедринъ о патріотизмѣ.

1.

Что такое патріотизмъ?

Въ 1812 году этого вопроса никто въ Россіи себѣ не задавалъ: тогда онъ былъ простъ и ясенъ. Врагъ былъ общій, дѣло было общее. Нашествіе Наполеона было вызовомъ всей странѣ и оскорбленіемъ всѣмъ сословіямъ. Умирать за родину рвались дворяне и крестьяне, старые и малые. Семьи плакали, провожая своихъ подростковъ, этихъ добровольцевъ, наelektrizованныхъ событіями. Плакали, но благословляли. Ополченцы отъ сохи, отправлявшіеся сражаться съ топорами, были несомнѣнными патріотами, хотя слова „патріотизмъ“, можетъ быть, никогда не слышали, или, если и слышали случайно (отъ господъ и офицеровъ), то имѣли о немъ самое смутное понятіе. Такими же патріотками были и деревенскія бабы, выходявшія съ вилами и дрекольями, хотя онѣ-то о своемъ „патріотизмѣ“ навѣрное уже не имѣли никакого, даже приблизительнаго, представленія.

Такъ было въ 1812 году. Въ 1856 — 58 г. дѣло обстоитъ уже иначе. Въ началѣ этой кампаніи, въ Россіи былъ только представитель общественаго патріотизма: это — Фаддей Булгаринъ. Но и тотъ не зналъ, что ему собственно надо дѣлать: кричать „ура“, или вилать хвостомъ, воинственно махать передъ носомъ у Европы шапкой или дипломатически передъ нею лебезить? Тогда, вообще, поступковъ гражданскихъ не полагалось. Да и самое слово „гражданскій“ существовало лишь постольку, поскольку оно противопологалось опредѣленію „военный“, причѣмъ всячески рекомендовалось замѣнять его и на вывѣскахъ и въ сношеніяхъ словомъ „штатскій“. Существительнаго „гражданинъ“ совсѣмъ не было, — былъ обыватель, которому предписывалось прежде всего не разсуждать.

Доставка раненыхъ съ поля битвы.

Но такъ такъ человѣческое сердце, даже если оно обывательское, не всегда способно подчиниться предписаніямъ начальства, то и произошло то, чего ни одинъ кварталный не могъ предвидѣть.

Когда гдѣ-то тамъ, за Дунаемъ, пролилась первая русская кровь, а русское общество не знало, за что она пролилась, и что будетъ дальше, то въ душу средняго русскаго человѣка начало проникать робкое сомнѣніе, под-

настоящее время дикимъ. Но въ то время дѣла обстояли иначе. Собственно говоря, патриотизмомъ — въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это слово допускалось къ обращенію — признавали иллюминированіе домовъ фонарями и плошками, совершавшееся въ торжественныхъ случаяхъ съ надлежащаго разрѣшенія. Этимъ ограничивалась вся та область внутренней политики, интересоваться которою обывателю разрѣшалось. Любопытствовать въ сферѣ

мосознанія“, относящіяся къ тому времени. Въ ту самую минуту, когда на карту ставятся: честь Россіи и сотня тысячъ жизней ея подданныхъ, — русскія газеты (въ числѣ одной частной на всю страну и трехъ официальныхъ) перепечатываютъ изъ иностранныхъ газетъ мнѣніе папы римскаго о томъ, будетъ-ли Россія воевать или нѣтъ?

Но вотъ — грянулъ громъ. Севастополь палъ, — и все въ Россіи пережвилось. Цослѣдова-

Лѣхота въ передовыхъ окопахъ.

линно ли все это такъ и быть должно, т. е. ч. обы его, русскаго человѣка, кровь лилась, а онъ, русскій человѣкъ, даже и не зналъ бы, по какому случаю онъ ее проливаетъ. А въ душѣ человѣка выше средняго уже не въ видѣ робкаго сомнѣнія, а въ видѣ опредѣленной и законченной мысли вставалъ вопросъ:

— А что же такое патриотизмъ?

2.

Имѣеть-ли право человѣкъ любить свое отечество? Такой вопросъ кажется намъ въ

внѣшней политики дозволялось лишь въ тѣхъ предѣлахъ, какіе обмежаваны ей были „Русскимъ Инвалидомъ“. Въ началѣ кампаніи отсюда запрещались даже перепечатки о военныхъ дѣйствіяхъ, — и они не появлялись, не только въ „Сѣверной Пчелѣ“ — частной газетѣ, но даже въ „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ — изданныхъ официальныхъ. Курьезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жуткое впечатлѣніе производятъ столбцы этихъ „органовъ общественнаго са-

ло освобожденіе крестьянъ, воцарилась правда въ судахъ, введено было самоуправленіе и на первыхъ росткахъ русской гражданственности водворили свое знамя гласность. Но оскорбленіе въ лучшихъ своихъ чувствахъ крѣпостничество тоже не дремало и, возвращаясь мало по-малу къ старымъ позиціямъ, начало окружать себя старымъ испитаннымъ средствомъ — окопами патриотизма. Прошло еще 25 лѣтъ, — и результаты не замедлили сказаться. Знаменитыя хищенія — всѣ

Генераль Леневиць осматриваетъ боевыя позикціи.
Къ боямъ подъ Муқденомъ.
Съ набросковъ корреспондентовъ, авторшя „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

На боевых позиціяхъ на рѣкѣ Шахэ — Артиллерія 1-го сибирскаго корпуса въ ожиданіи атаки.

эти эпопеи съ интендантами, поставщиками, гнилыми подметками и негодными сухарями, — вылившія съ такимъ шумнымъ эффектомъ въ русско-турецкую войну, созрѣли и расцвѣли подъ покровомъ того самаго патріотизма, той самой „благонамѣренности“, которые съ такой ѣдкостью осмѣялъ въ свое время нашъ несравненный сатирикъ.

Замѣчательно, что Щедринъ обнаружилъ въ этомъ отношеніи истинный „даръ пророчества“ потому, что первыя его разсужденія о патріотизмѣ, выгодномъ для кармана, о патріотахъ-паразитахъ и т. п., написаны за нѣсколько лѣтъ до русско-турецкой войны и приурочены къ итогамъ франко-прусской войны. Читая то, что сатирикъ говоритъ о Франціи, слишкомъ хорошо чувствуешь, кого онъ собственно подразумеваетъ. „Эпоповъ языкъ“... Пусть такъ, но содержаніе его такого свойства, что оно не утратило своего значенія и

сейчасъ. И если о Достоевскомъ, по поводу его мыслей о войнѣ (въ „Дневникахъ писателя“), можно сказать, что онъ вылился изъ подъ пера только вчера, то по поводу Щедрина характеристика патріотизма, сдѣланной 35 лѣтъ тому назадъ, такъ и кажется, что она напечатана въ какой-нибудь газетѣ только сегодня утромъ.

3.

Въ 1870 г., вслѣдъ за развязкою франко-прусской войны, Щедринъ пишетъ („Признаки времени“ гл. XI): „Что такое патріотизмъ?“

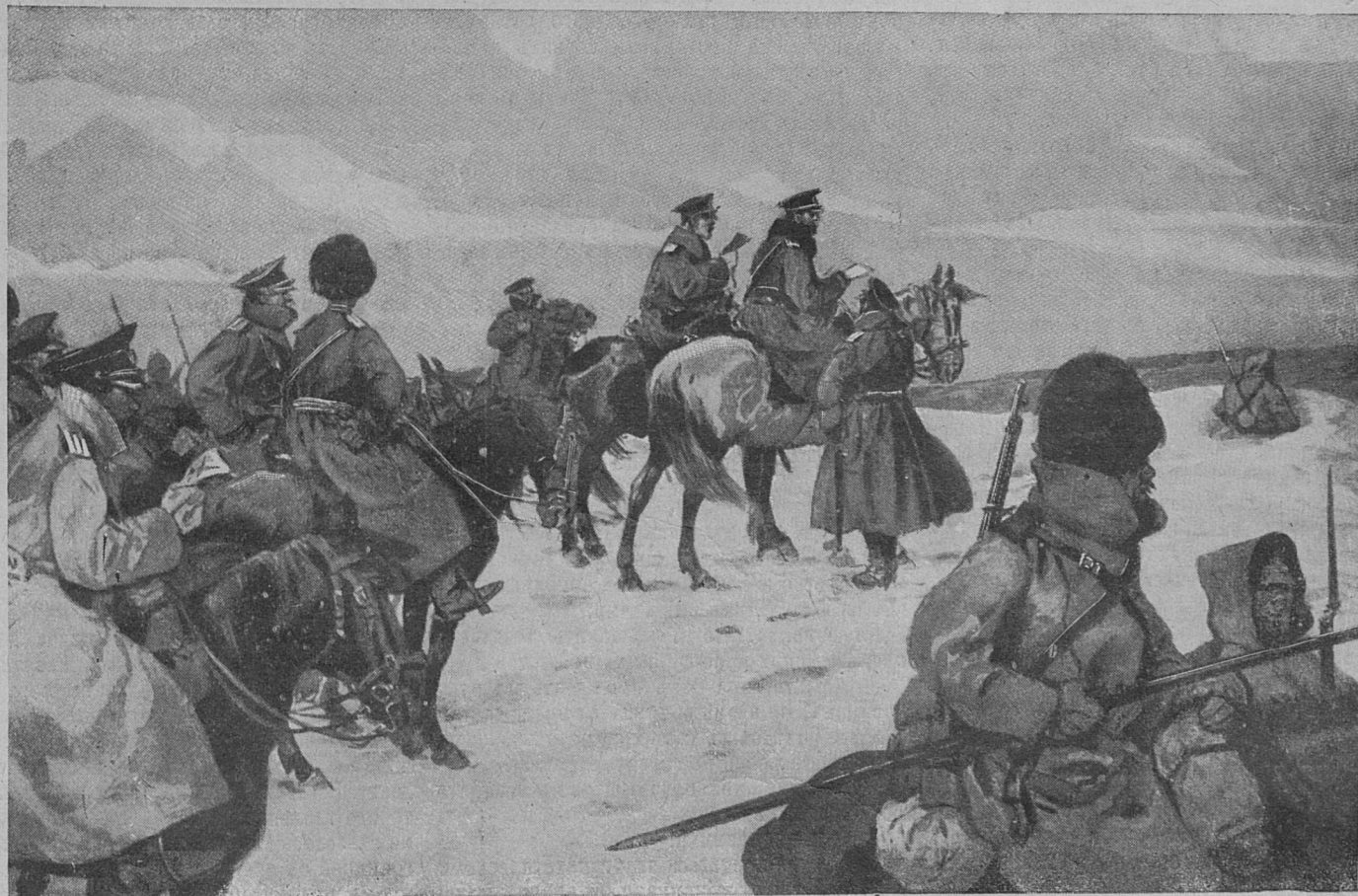
„До послѣдняго времени очень немногіе задавали себѣ этотъ вопросъ: до такой степени онъ казался яснымъ и безспорнымъ. Большинство понимало подъ словомъ „патріотизмъ“ что-то врожденное, почти обязательное. Начальство, соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ,

прибавляло, что наилучшее выраженіе патріотизма заключается въ безпрекословномъ исполненіи начальственныхъ предписаній“.

Въ такомъ именно смыслѣ понимался патріотизмъ у насъ въ мрачную эпоху 30—40-хъ годовъ, а во Франціи въ смутную эпоху Третьей имперіи, — эпоху Наполеона Малаго. Потребовались: намъ — Севастополь, французамъ — Седанъ, чтобы очистить слово патріотизмъ отъ той, по выраженію сатирика, „сѣти лицемерія и хвастовства“, которыя оутывали его. Но и за всѣмъ тѣмъ, патріотизмъ не перестаетъ быть той удобной ширмой, за которой прячутся всевозможныя нечистоплотныя замыслы.

Щедринъ пробуетъ разобраться въ трехъ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ обычнымъ представленіемъ такъ называемаго патріотизма.

Вопросъ первый — отношеніе къ идеѣ па-

Генералъ Куропаткинъ во время боя на пслѣ битвы, къ югу отъ Мукдена.
Къ боямъ подъ Мукденомъ.

Съ кабысковъ корреспондентовъ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

триотизма „безчисленныхъ паразитовъ, напояющихся мѣрзъ“. Могутъ-ли, напримеръ, именовать патриотами подрядчики, поставяющие мошеннически изготовленные ружья, а также „градоначальники и военачальники, поощряющие такіе поставки? „Конечно, у насъ, послѣ крымской и турецкой кампаній, вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ. Интенданты и маркизаты въ свое время попали (не безъ упорнаго сопротивленія) на скамью подсудимыхъ и вышли оттуда если не всѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, то всѣ вравственно заклеенные насквозь. И хотя въ наше время тоже имѣется не мало поставщиковъ, изготовляющихъ дырявые валенки, и начальники, тайно (но не явно) ихъ поощряющие, но ни тѣмъ, ни другимъ не придетъ въ голову дерзость требовать, чтобы ихъ называли патриотами. Всѣ такъ и называютъ ихъ ворами. И господа эти принимаютъ, какъ должное, т. е. даже не обижаются. Но французы Третьей имперіи нашей опытности не имѣли. Ихъ безпрестанно призывали къ спокойствію. Призывали до тѣхъ поръ, пока не грянулъ громъ. И что же тогда оказалось? Послушаемъ свидѣтельство Щедрина:

„Оказалось, что эти призывы къ спокойствію исходили изъ стана паразитовъ, для которыхъ затишье было необходимо, чтобы подъ сѣнью общаго безмолвія упитывать свои тѣла. Оказалось, что эти паразиты были не только хищниками, но и глупыми людьми, которыхъ способно было заставить врасплохъ всякое обстоятельство, не имѣющее ближайшаго отношенія къ процессу питанія“.

Замѣтимъ себѣ еще разъ, что эти строки написаны не сегодня, а 35 лѣтъ тому назадъ и не по поводу русскихъ дѣлъ (Боже сохрани), а по поводу французскихъ. Но Щедрина беретъ на себя трудъ подвести тотъ главный итогъ, къ которому пришла практика послѣ Седана въ смыслъ пониманія патриотизма. Итогъ былъ таковъ:

„Нельзя быть паразитомъ и патриотомъ, ни въ одно и то же время, ни по очереди, т. е. сегодня патриотомъ, а завтра проходившемъ. Всякій долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.“

Другой вопросъ, занимающей сатирика, въ виду драмы, разыгрывающейся подъ стѣнами Парижа, это „вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патриотизма людей необразованныхъ и неразвитыхъ.“

До седанскаго погрома существовало мнѣніе, что „чѣмъ менѣе развитъ человекъ, тѣмъ больше онъ способенъ быть патриотомъ“ и что идеаломъ исполнителя является такой, который наираетъ, не разсуждая. Франко-прусская война опрокинула это мнѣніе вверхъ дномъ и разбила его въ пухъ и прахъ. Побѣдителями оказались не французы, воспитанные на слѣпомъ повиновеніи наполеоновской полицейско-фельдфебельской дисциплинѣ, а нѣмцы, приготовленные школьнымъ учителемъ къ сознательному пониманію жизни, долга и идеи отечества.

„Почти навѣрное можно сказать—замѣчаетъ по этому поводу Щедрина,—что попытки замѣнить патриотизмъ дисциплиною, никогда не увѣнчивались успѣхомъ. Происходить это отъ того, во-первыхъ, что никакими мѣрами нельзя вложить душу живу въ человека, который можетъ дѣйствовать только какъ автоматъ“...

И наконецъ: „Совсѣмъ иные черты представляютъ дисциплина свободная, которою довольно связываетъ себя человекъ развѣтой“...

Конечно, это писано не про насъ и не про японцевъ — о нѣтъ! Дѣло происходитъ въ 1870 году и рѣчь идетъ о французахъ и нѣмцахъ...

Наконецъ, третій вопросъ, это вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патриотизма людей, не принимающихъ участія въ дѣлахъ своей страны. Посмотримъ же, что думали на этотъ счетъ французы Малаго Наполеона.

„Наиболѣе распространенная изъ теорій, опредѣляющихъ отношенія отдѣльнаго человека къ интересамъ страны (читаемъ мы у Щедрина), имѣетъ девизомъ очень простое и краткое изреченіе—„не твое дѣло“. Все, что ни видится кругомъ, все очерчено чертой, преступить за которую значитъ обнаружитъ поплзновеніе очень опаснаго свойства“ (да, это уже нѣчто совсѣмъ родное)... Тишина внутри и неприступность извнѣ,—какъ идеалъ, упорное насажденіе котораго ведетъ къ тому, что „девиз... не твое дѣло“, не только становится внѣшнимъ привломъ, опредѣляющимъ человѣческія дѣйствія, но входитъ въ нравы“...

Когда мы переворачиваемъ дальше страничку, то намъ начинаетъ казаться, что сатирикъ зло шутитъ за гробомъ и бесѣдуетъ съ нами на текущіе злыбны дни. „Духъ инициативы—говоритъ онъ—не съ неба сваливается, а развивается воспитаніемъ и практикой... Настоящая война практически доказала, что патриотизмъ болѣе, нежели всякое другое проявленіе человѣческаго духа, находится въ зависимости отъ воспитанія и навыка... Недостатокъ общественнаго воспитанія объясняетъ всѣ проявленія дикаго фанатизма съ одной стороны и презрѣнной приниженности съ другой“...

Но довольно, довольно!..

4.

Итакъ, что же такое патриотизмъ?.. Если нашихъ собственныхъ уроковъ, хотя бы за послѣдніе 50 лѣтъ, для насъ недостаточно, то можетъ быть, чему-нибудь научать насъ уроки французовъ, кстати — нашихъ политическихъ друзей, — въ талантливомъ и вдумчивомъ изложеніи нашего родного сатирика? Въ наше время переодѣвки всякихъ цѣнностей не мѣшаетъ добраться и до корней патриотизма. Подрядчики, интенданты и прочіе расхитители казны, слава Богу, не считаются уже у насъ патриотами: этого успѣха мы достигли. Но есть въ наши дни многіе иные, присваивающіе себѣ монополію патриотизма и на этомъ основаніи считающіе себя въ правѣ зажимать ротъ всѣмъ съ ними несогласнымъ.

Послѣ первыхъ же нашихъ неуспѣховъ, вполне выяснившихъ нашу неподготовленность, образовалось общественное теченіе противъ дальнѣйшаго продолженія войны. Съ ростомъ нашихъ неуспѣховъ расло и это теченіе, расло до тѣхъ поръ, пока не перенесло весь центръ тяжести съ внѣшняго на внутреннее. Это выразилось въ слѣдующемъ ясно поставленномъ мнѣніи.

— Пора вернуться изъ дальнихъ странъ и заняться дѣлами домашними. Удачно и добросовѣстно поведенныя, они помогутъ справиться и съ дѣлами внѣшними.

Но вотъ тутъ-то и раздались возгласы, крики и вопли монополющихъ патриотовъ: — Желать мира—значитъ играть въ руку японцамъ! Не время заниматься внутренними дѣлами. Совѣтовать такъ могутъ только люди, не знающіе любви къ своему отечеству.

А наиболѣе „монополющие“ не стѣснялись даже бросить въ лицо:

— Они—измѣнники!

Не будемъ смущаться этими патетическими и истерическими выкриками, въ значительной степени фальсифицированными. Не будемъ смущаться, помня хотя бы Щедрина, который будто въ предвидѣніи нашихъ дней, между прочимъ сказалъ:

„бываютъ минуты, когда борьба противъ дѣянаго общественнаго настроенія считается признакомъ высшаго и безукоризненнѣйшаго патриотизма“...
Д. Городецкій.

Международный институтъ сельского хозяйства.

Отъ нашего корреспондента.

Вчера король Викторъ Эмануиль издалъ декретъ, которымъ вызвано къ жизни учрежденіе, во всякомъ случаѣ, широко задуманное и практически полезное. Именно, по желанію короля, въ Римѣ учреждается „международный институтъ сельского хозяйства“, — „Istituto internazionale di agricoltura“, — съ назначеніемъ обслуживать интересы сельскихъ хозяевъ всего міра, быть центральнымъ и справочнымъ бюро по всѣмъ отраслямъ сельского хозяйства всѣхъ странъ и народовъ, оказывать всевозможныя услуги при посредствѣ своихъ ученыхъ силъ, а также широкой практической дѣятельностью.

Король Викторъ Эмануиль находитъ, что сельско-хозяйственные классы во всѣхъ странахъ находятся въ безпомощномъ состояніи, не умѣя отстаивать своихъ интересовъ въ борьбѣ за существованіе, при современныхъ формахъ этой борьбы. Вотъ почему король Викторъ Эмануиль (по мысли, поданной ему, впрочемъ,—какъ король самъ заявляетъ,—однимъ американскимъ гражданиномъ, по фамиліи Loubin), рѣшилъ основать институтъ, который, будучи интернаціональнымъ по своему составу, могъ бы самымъ точнымъ образомъ изучить условія сельско-хозяйственнаго производства во всѣхъ представленныхъ въ институтѣ странахъ и явился бы, прежде всего, центральнымъ статистическимъ бюро для всѣхъ отраслей сельско-хозяйственной дѣятельности всего міра. Уже эта роль института обезпечитъ ему большое и благотворное влияніе на производственныя условія и торговлю сельско-хозяйственными продуктами, такъ какъ точныя данныя, какими будетъ располагать институтъ, облегчатъ и удешевятъ международный сбытъ продуктовъ. Но этимъ далеко не исчерпываются задачи, какія царственный основатель института ставитъ вызванному имъ къ жизни учрежденію. Король предполагаетъ, что, въ дружной совмѣстной работѣ со всѣми существующими организациями переселенческими и по регулированію спроса и предложенія на рабочія руки, институтъ будетъ имѣть возможность установить наиболѣе правильные и вѣрные пути въ этомъ направленіи.

Всѣ общія мѣропріятія по борьбѣ съ эпизоотіями, болѣзнями и вредителями растений, организація сельско-хозяйственнаго кредита, страхового дѣла—все это должно быть лишь отдѣльными отраслями дѣятельности учрежденнаго института и притомъ въ мировомъ масштабѣ, т. е. такъ, чтобы каждая изъ упомянутыхъ отраслей охватывала всѣ страны, сельскохозяйственную жизнь всего міра.

Король Викторъ Эмануиль настолько серьезно отнесся къ своему грандіознѣйшему начинанію, что обратился къ министру-президенту Джіолитти съ письмомъ, вслѣдствіе котораго итальянское правительство циркулярно отнеслось къ своимъ представителямъ за границей съ предложеніемъ—сдѣлать необходимыя шаги, чтобы заручиться одобреніемъ и содѣйствіемъ мысли короля со стороны правительства, при которыхъ представители эти аккредитованы. Въ своемъ циркулярѣ правительство указываетъ, какая огромная непро-

производительная трата капиталовъ происходитъ въ сельскомъ хозяйствѣ вслѣдствіе разрозненности сельскихъ хозяйствъ и неправильной постановки производства, не соответствующаго сплошь и рядомъ ни условиямъ данныхъ климата и почвы, ни спросу потребителей. Далѣе, сельскому хозяйству приходится тяжело бороться съ трестами, непомѣрно усиливающимися при полномъ почти отсутствіи государственнаго за ними контроля. Между тѣмъ,—говорится далѣе въ циркулярѣ,—„королю и его правительству угодно, чтобы сохранялось въ производственныхъ отношеніяхъ то справедливое равновѣсіе, которое выжидается на одновременномъ и соответственномъ развитіи всѣхъ производительныхъ силъ страны, и притомъ такъ, что каждая отрасль можетъ получить свою долю благосостоянія и дать человѣческому обществу наибольшую сумму благъ и мира“.

Въ запискѣ, составленной по этому поводу известнымъ итальянскимъ экономистомъ профессоромъ Панталеони и приложенной къ циркуляру, подробно развита и обоснована мысль, положенная въ основу института, мысль, которую итальянскія газеты успѣли уже охарактеризовать, какъ „относящуюся къ циклу идей государственнаго социализма“. На ряду съ обоснованіемъ профессоръ Панталеони даетъ также и чисто практическую программу дѣятельности института, при которомъ предусматриваются, между прочимъ, товарные музеи, постоянная биржа для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, возможность посредническихъ услугъ всевозможнаго рода, вплоть до соглашеній между отдѣльными группами сельскохозяйственныхъ промышленниковъ различныхъ странъ, и даже возможность подготовленія основаній для торговыхъ договоровъ. Разумѣется, вся вообще дѣятельность института получить свое реальное содержаніе въ полной зависимости отъ состава представителей и делегатовъ, какіе откликнутся на зовъ итальянскаго короля и возьмутъ дѣло въ свои руки.

Пока временными руководителями института король Викторъ Эмануилъ избралъ правленіе изъ трехъ членовъ—сенатора Мальвано, Симеони и Монтемартини—и большого совѣта изъ сорока слишкомъ специалистовъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, депутатовъ и чиновниковъ. Крімъ того, король предполагаетъ созвать въ Римѣ международный конгрессъ, которому предложено будетъ обсудить вопросъ о надлежащей постановкѣ дѣятельности института.

Такого, въ краткихъ чертахъ, новое учрежденіе, осуществленное королемъ Викторомъ Эмануиломъ. И если оно уступаетъ, по своему значенію, почину Государя Императора Николая II въ вопросѣ о всеобщемъ мирѣ и даже инициативѣ германскаго императора Вильгельма въ дѣлѣ разрѣшенія рабочаго вопроса, то все же дѣло, предпринятое итальянскимъ королемъ, также стремится осуществить идею общечеловѣческой солидарности на землѣ и если не достигнетъ этого въ полномъ объемѣ, то и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ несомнѣнно можетъ принести огромную пользу. Все дѣло въ томъ, насколько энергично возьмутся за работу будущіе члены института, насколько широко они посмотрятъ на его задачи. Возможность работать, и въ самомъ широкомъ масштабѣ, имъ навѣрное будетъ дана.

РИМЪ, М. Сонинъ.
8 марта (23 февраля).

Академія громилъ.

Отъ нашего корреспондента.

Въ Амьенѣ начался громкій процессъ, за ходомъ котораго съ напряженіемъ слѣдятъ во всей Франціи. На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ 26 членовъ шайки громилъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была грозой страны, ускользя отъ правосудія, благодаря удивительной своей организациіи и незауряднымъ личнымъ качествамъ своихъ членовъ.

Раскрытіе этой „академіи громилъ“,—какъ успѣли уже окрестить газеты эту шайку,—произошло случайно.

Почти годъ тому назадъ на вокзалѣ въ Аббевиллѣ, за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ Парижъ, появились трое безукриванно одѣтыхъ господъ, обремененныхъ тяжелыми на видъ чемоданами. У насъ въ Россіи такой ручной багажъ составляетъ явленіе обычное; но аббевильскій полицейскій бригадиръ и его помощникъ нашли тяжелый багажъ подозрительнымъ и обратились къ пассажирамъ съ просьбою послѣдовать за ними въ контору начальника станціи. Отвѣтомъ на это послужили произведенные въ агентствѣ полиціи выстрѣлы изъ револьверовъ. Помощникъ бригадира былъ убитъ наповалъ, бригадиру прострѣлили грудь на вылетъ; тѣмъ не менѣе одного изъ злоумышленниковъ успѣли задержать и, послѣ долгихъ усилій слѣдственной власти, удалось напастъ на слѣды цѣлой шайки, превосходно организованной и насчитывающей 40 членовъ.

Шайка имѣла свою главную квартиру въ Парижѣ, rue de la Clef, и оперировала по всей Франціи.

Особые развѣдчики, разсылавшіеся не только по крупнымъ центрамъ, но и въ небольшіе провинціальныя города и даже въ отдаленныя имѣнія и фермы, выискивали наиболѣе удобныя для исполненія и прибыльныя „дѣла“ и извѣщали главную квартиру краткой телеграммой: „пріѣзжайте“. И немедленно на мѣсто дѣйствія отправлялись необходимые для данной „работы“ люди съ такимъ расчетомъ, чтобы пріѣхать позднею вечеромъ и до ранняго утра покончить съ ограбленіемъ какого-нибудь уединеннаго, безхозяйнаго дома, плохо охраняемаго магазина, богатой церкви и т. д. Съ утреннимъ поѣздомъ громилы возвращались, не возбуждая подозрѣній, отъ которыхъ охраняла ихъ вполне корректная внѣшность. Добыча доставлялась въ Парижъ отдѣльно, однимъ изъ сообщниковъ. Когда преступленіе обнаруживалось,—громилы бывали уже обыкновенно далеко. Случалось, конечно отдѣльнымъ членамъ шайки попадаться, по крайней мѣрѣ по подозрѣнію въ той или иной кражѣ со взломомъ; но такъ какъ всѣ они были необыкновенно ловкіе воры, то большей частью имъ удавалось ускользнуть, напр., притворившись сумасшедшими или идиотами. Такимъ образомъ спасся разъ самъ глава шайки, нѣкій Жакобъ или Мариусъ, молодой еще человѣкъ, лѣтъ 26, марселецъ родомъ. Задержанный полиціей по подозрѣнію въ совершенномъ за два дня до того взломѣ и ограбленіи церкви, онъ притворился идиотомъ и разыгралъ свою роль съ такимъ искусствомъ, что полицейскій агентъ распорядился отправить его въ больницу, по дорогѣ куда онъ сбѣжалъ. При этомъ онъ увлекъ съ собой провожавшаго его полицейскаго агента, который въ послѣдствіи сталъ его ближайшимъ помощникомъ.

Члены шайки поддерживали постоянныя сношенія, пользуясь при перепискѣ то шифромъ, какъ дипломаты, то симпатическими чернилами, какъ влюбленные. Между ними были представлены почти всѣ профессіи: слесаря, приказчики, живописцы, скульпто-

торы, типографы, биржевики, журналисты. Былъ между ними и одинъ анархистъ по фамилии Кларансонъ, специальность котораго была „работа“ въ модныхъ курортахъ. Это былъ по внѣшности настоящій джентельмэнъ и завсегдашій казино. Далѣе Пелиссаръ, сотрудничавшій въ „Cri de la Revolte“ и поставившій своимъ товарищамъ превосходныя инструменты, не говоря уже о цѣнныхъ указаніяхъ. Одинъ изъ шайки, Анри, „работалъ“ хлороформомъ и однажды ограбилъ въ поѣздѣ пассажира на 40.000 франковъ; къ шайкѣ принадлежалъ также одинъ изъ парижскихъ швейцаровъ Ферре, служившій развѣдчикомъ и передававшій приказанія „главнаго штаба“ шайки отдѣльнымъ, находившимся въ командировкѣ, ея членамъ. Шайка имѣла своего казначея, ломѣшавшаго всѣ запасныя средства—весьма значительныя,—въ процентныхъ бумагахъ, сбывавшаго драгоценности и т. д. Самъ глава шайки, Жакобъ, прежде былъ послѣдователемъ юнгой на кораблѣ, типографомъ, фабрикантомъ бомбъ для анархистовъ. Какъ воръ онъ деботировалъ въ Марсели, гдѣ, переодѣвшись полицейскимъ комиссаромъ и взявъ съ собою „понятыхъ“, произвелъ обыскъ въ магазинѣ богатаго ювелира и „заарестовалъ“ на большую сумму драгоценностей, будто бы украденныхъ въ Парижѣ.

У всѣхъ членовъ шайки были подложныя документы находившіеся, разумеется, въ полномъ порядкѣ. И не смотря на всѣ усилія, до сихъ поръ не всѣ еще задержаны: суду предано всего 26 членовъ, но нѣкоторые находятся уже на каторгѣ, куда попали за отдѣльныя неудавшіяся „дѣла“.

Подсудимые держатъ себя на судѣ настолько нахально, и подозрѣніе, что у нихъ есть вліятельные, находящіеся на свободѣ, сообщники, до того представляется обоснованнымъ, что въ зданіи окружнаго суда въ Амьенѣ приняты небывалыя мѣры предосторожности: всѣ двери, ведущія въ залъ засѣданій, кромѣ двухъ, заперты, мѣста для подсудимыхъ, кромѣ обычной рѣшетки, совершенно изолированы отъ части зала, предоставленной публикѣ, стража усилена и т. д. Свидѣтелей вызвано 160 членовъ, между ними множество потерпѣвшихъ со всѣхъ концовъ Франціи, даже изъ за-границы (шайка работала понемногу и тамъ) и самыхъ разнообразныхъ положеній: судьи, офицеры, богатые буржуа, представители церкви, благотворительныхъ учрежденій и т. д. Дѣло затянется по меньшей мѣрѣ недѣли на двѣ. Между вещественными доказательствами находятся удивительныя по совершенству инструменты, служившіе членамъ шайки для взлома самыхъ сильныхъ и надежныхъ замковъ.

Парижъ.

8-го марта (23-го февраля).

Экстеръ.

НОВЫЙ ГРОССМЕЙСТЕРЪ МАЛЬТЙСКАГО ОРДЕНА.

22-го февраля въ Римѣ собрался капитуль ордена для выборовъ новаго великаго гроссмейстера, на мѣсто умершаго барона Чески-а-Санта-Кроче. Въ выборахъ участвовали 17 членовъ капитула. Засѣданіе открылъ кардиналъ Рамполла, преподавшій собранію благословеніе отъ имени его святѣйшества папы. Избраннымъ оказался отсутствовавшій графъ Галаццо Тунъ-Гогенштейнъ, комтуръ майдельбергскій (въ Тиролѣ), получившій при первой баллотировкѣ 15 и при второй—всѣ 17 избирательныхъ голосовъ. Новому великому гроссмейстеру всего 55 лѣтъ.

Послѣ взрыва въ гостинницѣ „Бристоль“.
Окно комнаты, въ которой произошелъ взрывъ, отмѣчено
крестомъ.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Кумирня, разрушенная японскими шимозами.

Скорострѣльная батарея въ резервѣ у деревни
Кудяза.

Всѣ снимки—съ фотографій, доставленныхъ намъ съ театра войны, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Сестра Маринской общины
М. Присяжниковъ,
героиня Лорть-Артура, оставшая тамъ при
раненныхъ.

Военный корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
А. Михайловъ на поз. ции.

Тен.-майоръ Кусовъ, командиръ 2-й бригады 72-й дивизіи
(въ серединѣ), полковникъ 287 прусскаго полка Ш. шкичъ
(слѣва) и бригадный адъют. Ф. ртуна (справа) на позиціи.